

В. Б. ВИНОГРАДОВ, Х. М. МАМАЕВ

К ИЗУЧЕНИЮ ВИЗАНТИЙСКО-СЕВЕРОКАВКАЗСКИХ СВЯЗЕЙ (по археологическим материалам Терско-Сулакского междуречья)

Взаимоотношения Византии с многоплеменным населением Северного Кавказа в эпоху раннего средневековья давно привлекли внимание исследователей и имеют достаточно пространную историографию¹. Однако археологические следы этих контактов выявлялись и исследовались преимущественно на материалах Северо-Западного и Центрального Кавказа, тогда как древности к востоку от Дарьяльского прохода до сих пор остаются в тени и практически не учитываются в соответствующих работах.

Так, в специальной литературе высказано мнение об отсутствии византийских монетных и иных находок восточнее среднего течения Терека². Но еще в 1926 г. в окрестностях ингушских селений Сурхахи и Али-Юрт, где нами исследуется ныне скопление аланских городищ и могильников эпохи раннего средневековья³, были найдены две монеты, одна из которых оказалась золотой византийской — эпохи Феодосия II Младшего (408—450)⁴. Спустя восемь лет золотая византийская монета эпохи императора Анастасия I (491—518) была найдена близ селения Новый Джерах в горной Ингушетии⁵. Обе эти находки введены в научный оборот Л. П. Семеновым⁶.

Во время раскопок в 1969—1970 гг. известного христианского храма Тхаба-Ерда в горной Ассинской котловине (Ингушетия) при расчистке склепа № 3, датирующегося IX—XII вв., археологом Г. Г. Гамбашидзе была обнаружена позолоченная византийская монета времени правления императора Михаила III (842—867)⁷.

¹ Основную библиографию см.: *Удальцова З. В.* Советское византиноведение за 50 лет. М., 1969, с. 271—277; *Кузнецов В. А.* Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971; *Он же.* Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачево-Черкессии. М., 1971, с. 117—125; *Ртвеладзе Э. В., Рунчи В. П.* Находки индикаций византийских монет вблизи Кисловодска. — ВВ, 1971, 32, с. 219—222; *Они же.* Новые находки византийских монет и индикаций в окрестностях Кисловодска. — ВВ., 1976, 37, с. 151—155; *Даркевич В. П.* Светское искусство Византии. М., 1975.

² *Иссен А. А.* Археологические памятники Кабардино-Балкарии. — МИА, 1941, 3, с. 27—28.

³ Работы археологической экспедиции под руководством В. Б. Виноградова. См.: *Даутова Р. А., Мамаев Х. М.* Археологические памятники средневековья у сел. Али-Юрт (Чечено-Ингушетия). — СА, 1974, № 2, с. 223—226; *Виноградов В. Б., Мамаев Х. М.* Исследования раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии. — АО, 1975. М., 1976, с. 116—117.

⁴ Аналогии см.: *Sabatier.* Description générale des monnaies byzantines. P., 1862, p. 114—117, t. V, 1, 5.

⁵ Аналогии см.: *Ibid.*, p. 152, t. VII, 25.

⁶ *Семенов Л. П.* Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1963 годах. Грозный, 1963, с. 87, 141.

⁷ *Гамбашидзе Г. Г.* Из истории связей Грузии и Ингушетии в средние века. — В кн.: Тезисы докладов VI «Крупновских чтений» по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 66—67. Названные раскопки убедительно опровергают датировку храма

Еще одна находка византийской монеты была сделана в 1976 г. в погребении № 17 аланского Мартап-Чуйского 1-го катакомбного могильника⁸. Это медный асс императора Валентиниана II константинопольского чекана 378—383 гг.⁹ Монета использована вторично, поскольку погребение датируется XI в. н. э.

В 1978 г. в богатом погребении № 30 этого же могильника оказался золотой византийский солид императора Феофила (829—842)¹⁰.

В том же году в окрестностях чеченского селения Ахкинчу-Барзой, где известны раннесредневековые городища и катакомбный могильник VIII—IX вв., был найден золотой византийский солид императора Зинона (475—491), чеканенный в Константинополе¹¹.

Имеются сведения о находках золотых византийских монет накануне Великой Отечественной войны в разрушающихся захоронениях на окраине чеченского селения Герменчуг, близ раннесредневекового городища Чух-Барц¹².

У восточных границ исследуемого нами района, в погребениях Верхнечирюртовского грунтового (катакомбного) могильника в 1956 г. были найдены две золотые византийские монеты и одна индикация, которые датируются серединой VII в.¹³

При раскопках Верхнечирюртовского курганного могильника было обнаружено пять золотых византийских монет и индикаций: два солида Маврикия Тиберия (582—602), солид Ираклия (613—616) и индикация с него, солид Ираклия и его сына Ираклия Константина (613—641)¹⁴.

О византийско-северокавказских связях в данном районе свидетельствуют, однако, не только монетные находки.

XII веком н. э., на которой продолжает настаивать М. Б. Мужухоев (*Мужухоев М. Б., Магомедов И. Д.* К вопросу о времени и условиях строительства храма Тхаба., — Ерды. — В кн.: Археолого-этнографический сборник. Грозный, 1976, т. IV, с. 91—102; *Мужухоев М. Б.* Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 113—120; ср.: *Виноградов В. Б.* Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и вопросы атеизма. Грозный, 1977, с. 61—62; *Тменов В. Х.* Рец. на кн.: Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, — СА, 1979, № 2, с. 293; *Виноградов В. Б., Даутова Р. А.* Рец. на эту же книгу М. Б. Мужухоева — СЭ, 1979, № 5, с. 175.

⁸ Эта монета была предварительно определена М. Е. Массоном как византийская VI в. (см.: *Виноградов В. Б., Петренко В. А.* Раскопки у сел. Мартап-Чу. — АО, 1976. М., 1977, с. 92). Однако затем любезная консультация директора Лодзинского музея археологии и этнографии, видного польского нумизмата А. Миколайчика позволила уточнить тип и дату находки. Последнее определение было подтверждено В. В. Кропоткиным, которому мы весьма признательны за эту и иные нумизматические консультации.

⁹ А. Миколайчик указал следующие аналогии в изданной литературе: Late Roman Bronze Coinage, p. 14, N 2451, 2465; Roman Imperial Coinage, v. IX, p. 225, N 52 b/2, v. X/7 (письмо В. Б. Виноградову от 9 ноября 1977 г.).

¹⁰ *Мамаев Х. М., Савенко С. Н., Асхабов Г.* Исследования раннесредневековых могильников Чечено-Ингушетии. — АО, 1978. М., 1979. Мы искренне благодарны Д. Б. Шелову за определение находки (письмо В. Б. Виноградову от 14 ноября 1978 г.). Аналогии см.: *Кропоткин В. В.* Византийские монеты из Таматархи-Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 179, № 1; с. 180, № 18.

¹¹ Монета была найдена местными жителями и вскоре утеряна, однако учитель-краевед Г. Асхабов успел сделать отчетливые прорисовки. Солид определен В. В. Кропоткиным, которому выражаем глубокую признательность (письмо В. Б. Виноградову от 22 января 1979 г.). Аналогии см.: *Толстой И. И.* Византийские монеты, вып. II, с. 147, № 19; табл. 10, 18, 23.

¹² Сообщение бывшего директора Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А. А. Саламова. См.: *Виноградов В. Б., Марковин В. И.* Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1966, с. 91.

¹³ *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник. — МАД, 1961, II, с. 256.

¹⁴ *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника. — В кн.: Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977, с. 49.

Среди других предметов византийского происхождения в древностях Терско-Сулакского междуречья выделяются стеклянные изделия.

Это прежде всего многочисленные браслеты и перстень с цветным глазком из погребений Марта-Чуйского 1-го могильника¹⁵ и у станции Джалки¹⁶. Они изготовлены из стекла темно-коричневого и темно-фиолетового цвета типа «сода — известь — песок» и «зола — известь — алюмосодержащий песок». Некоторые браслеты окрашены окисью марганца¹⁷. По заключению Ю. Л. Шаповой, эти находки происходят из византийских мастерских¹⁸, причем перстень, возможно, изготовлен в Константинополе. Он относится к типу стеклянных перстней, привозимых в Восточную Европу из Византии в XI в.¹⁹

Со стеклоделательными мастерскими византийской столицы связаны, видимо, также и несколько сосудов из катакомбных погребений на изучаемой территории: стакан из светло-зеленого прозрачного стекла («сода — известь — алюмосодержащий песок») из Бейни²⁰, колбообразный сосуд из аналогичного стекла и графин из бесцветного прозрачного стекла с резным орнаментом («исламское резное стекло») из Марта-Чу²¹. Два последних представляют типы, крайне редкие на Северном Кавказе, хотя общая география находок таких сосудов необычайно широка (Южная Европа, Ближний Восток, Закавказье, Средняя Азия, Восточная Европа)²². Вопрос о месте их производства сегодня дискуссионен. Специально занимающаяся этой проблемой Ю. Л. Шапова считает, что по технологическим признакам и химическому составу стеклянные сосуды таких типов связаны своим происхождением со стеклоделательными центрами IX—X вв. в Византии, в частности в самом Константинополе.

Византийское происхождение имеет и ряд типов бус, распространенных в эту эпоху в Восточной Европе²³. Не исключено их присутствие также в памятниках Терско-Сулакского междуречья. Но вопрос этот требует специального изучения.

¹⁵ Предварительную информацию о могильнике см. в статьях В. Б. Виноградова, В. А. Петренко, С. Л. Дударева, Х. М. Мамаева (АО, 1974—1979).

¹⁶ Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Некоторые вопросы раннесредневековой истории и культуры населения Чечено-Ингушетии. — В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 63—86.

¹⁷ Анализы стекла произведены Ю. Л. Шаповой в археологической лаборатории МГУ. Мы весьма признательны Ю. Л. Шаповой за ценные консультации и возможность использования рукописей ее научных работ, находящихся в печати.

¹⁸ Аналогичные браслеты известны в Тмутаракани и Саркеле; см.: Львова З. А. Стеклянные браслеты и бусы из Саркела — Белой Вежи. — МИА, 1959, 75, с. 307—323; Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 102—119.

¹⁹ Шапова Ю. Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972, с. 97—98.

²⁰ Виноградов В. Б., Исламов А. А. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии. — Известия Чечено-Ингушского научно-исслед. ин-та, Грозный, 1965, т. VI, вып. 1, с. 161—163.

²¹ Изображение их см.: Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Исследование раннесредневековых памятников в Чечено-Ингушетии. — АО, 1975. М., 1976, с. 116.

²² См., например: Шапова Ю. Л. Древнерусские стеклянные изделия как источник для истории русско-византийских отношений. — ВВ, 1961, 19, с. 60; Абдураков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский А. Ю. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963; Гуревич Ф. Д., Жанполадян Р. М., Малевская М. В. Восточное стекло в Древней Руси. Л., 1968, с. 14 и сл.; Жанполадян Р. М. Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. Ереван, 1974, табл. 81—82; Угеллидзе Н. Н. К истории производства стекла в раннесредневековой Картии. Тбилиси, 1967; Lamn C. Glass from Iron in the National museum. Stockholm, 1935; Idem. Oriental glass of mediaeval date found in Sweden and the early history of lustre-painting. Stockholm, 1941; Harden D. B. Glass and Glassed a History of Technology. Oxford, 1956, v. II, p. 340—341; Glass from Corning museum of glass. Corning; New York, 1955, p. 19—21.

²³ Деоник В. Б. Стеклянные, каменные и металлические украшения IV—IX веков Северного Кавказа и Крыма как исторический источник. Автореф. дис. . . канд. ист. наук. М., 1961; Шапова Ю. Л. Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, с. 120—125.

Одной из важнейших статей византийского экспорта в страны Европы была поливная керамика²⁴. Однако находки ее до недавнего времени не были известны на исследуемой территории.

В 1975 г. в погребении № 10 Мартан-Чуйского 1-го катакомбного могильника вместе с вышеописанными стеклянными сосудами был найден красноглиняный гончарный длиногорлый сосуд с шаровидным туловом и пышной полихромной росписью, нанесенной на белую ангобированную поверхность²⁵. Декор сосуда разбивается на пять вертикальных поясов, основными элементами которых являются ромбы, треугольники, листовидные фигуры, звездочки, выполненные в голубом, желтом и коричневом цвете. Сосуд уникален и не находит прямых аналогий в известных нам материалах.

Однако его форма²⁶, колористическое решение²⁷, основные мотивы орнамента и технологические признаки²⁸ позволяют сопоставить этот замечательный образец гончарного искусства с тем кругом поливной керамики, которая связывается с византийским производством X—XI вв.

Определенный интерес в плане поставленного вопроса имеют и усилия специалистов, выделяющих среди массы разнообразных раннесредневековых поясных гарнитуров Восточной Европы некоторые типы пряжек, блях и наконечников или непосредственно византийского, или опосредованного (причерноморского, нижнедунайского) происхождения, находки которых известны и на рассматриваемой территории²⁹. В частности, детали поясных наборов из Мартан-Чуйского 1-го могильника декорированы орнаментом, аналогичным обнаруженным на венгерских поясах времени «обретения Родины», где они сопоставляются с влиянием византийской христианской символики³⁰.

Столь ощутимые и разнообразные следы византийского культурного воздействия побуждают с большой осторожностью отнести к тенденции исключения Терско-Сулакского междуречья из зоны достаточно продуктивных контактов с Византией. Следует, вероятно, и пристальнее всмотреться в некоторые иные из давно известных вещевых средневековых категорий. Так, в ряде памятников района известны бронзовые наперстки³¹, весьма напоминающие византийские образцы IX—X вв.³² Они хронологически предшествуют наперсткам стандартного типа мануфактурно-промышленного производства³³ и в свете изложенного требуют особого внимания.

Таковы археологические факты, позволяющие заметно расширить ареал византийско-северокавказских (непосредственных или транзит

²⁴ Даркевич В. П. Указ. соч., с. 292—299.

²⁵ Изображение его см.: Виноградов В. Б., Мамаев Х. М. Исследование... с. 116 (фото); Виноградов В. Б. Некрополь столицы аланов? — Вокруг света, 1978, 5, с. 47.

²⁶ Знаменательно, что аналогии верхней части кувшина из Мартан-Чу обнаруживаются среди лощеной «местной» керамики Саркела и Тмутаракани; см.: Плетнева С. А. Керамика Саркела-Белой Вежи. — МИА, 1959, 75, рис. 3, а; Она же. Средневековая керамика Таманского городища. — В кн.: Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963, рис. 23, 1.

²⁷ Макарова Т. И. Поливная керамика в Древней Руси. М., 1972, с. 6—7.

²⁸ Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес. — МИА, 1950, 17, с. 168; Она же. Керамика и керамическое производство средневековой Таврии. Л., 1979, с. 119.

²⁹ Деоник В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI—IX вв. — МИА, 1963, 114, с. 122—151; Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы. — СА, 1971, № 2, с. 96—123; Она же. Рец. на кн.: Erdelyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Nevolino. Akademiae Kiado. Budapest, 1969. — СА, 1973, № 2, с. 288—298; Ковалевская В. Б. Поясные наборы Евразии IV—IX вв. Пряжки. — Свод археологических источников. М., 1979.

³⁰ Dienés I. Die Ungarn um die Zeit der Landnahme. Budapest, 1972.

³¹ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 21 сл.; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 57 и сл.

³² История Византии. М., 1967, т. II, с. 143.

³³ Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. — Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Гуманитарные науки, Ростов-на-Дону, 1977, 1, с. 67—69.

ных) связей. И хотя по сравнению с более западными районами Северного Кавказа византийские материалы Терско-Сулакского междуречья пока довольно скромны и эпизодичны, само наличие их бесспорно и требует исторического обоснования.

Анализ предметов, подтверждающих связи с Византией, полезен, по крайней мере, в трех аспектах: в оценке интенсивности и характера византийско-северокавказских связей для конкретных областей региона; в открывающихся возможностях уточнения хронологии аланских и иных памятников, из которых происходят византийские изделия, хорошо датированные в центрах производства; в расстановке классовых и конфессиональных акцентов в социально-экономических структурах этнополитических образований Северного Кавказа эпохи раннего средневековья³⁴.

Традиционное толкование путей и способов проникновения византийского влияния на Северный Кавказ замыкается на южном и юго-западном вариантах, когда исключительное значение придается малоазийским провинциям Византии и (в качестве посредников) Абхазии, Грузии и восточно-причерноморским городам³⁵. Мы не оспариваем основательность этой трактовки, но и не можем полностью удовлетвориться ею. Фактор географического соседства не всегда достаточен для объяснения ситуации. Нельзя забывать и о хорошо документированном письменными источниками постоянном стремлении Византийской империи вовлечь в орбиту своего влияния кочевые племена Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа, где в ход шло все — богатые дары, золото, политические интриги³⁶. От этих (тюркоязычных в своей основной массе) номадов часть византийского «импорта» могла попадать в руки их оседлых северокавказских партнеров. В нашем случае именно такой подход может скорее всего объяснить отмеченный рост, например, числа византийских золотых монет в древностях V—VII вв. на рассматриваемой территории, что, кстати, совпадает с первым этапом византийско-европейских связей, выявленном на более обширном материале³⁷.

Необходимо также напомнить и о высокой мобильности кочевых и полукочевых народов и племен Восточной Европы, о господствовавших направлениях их перемещений в раннее средневековье. В связи с этим важным моментом представляются византийские владения на Балканском полуострове, простиравшиеся вплоть до Дуная и всегда игравшие существенную роль в истории империи. Следует учитывать также и прочные крымские позиции Византии, теснейше связанные не только с Малой Азией, но и с Балканским ареалом³⁸. Именно здесь, в Северном Причерноморье, а особенно в Подунавье, находилась одна из главных зон противоречивых, сложных, но и едва ли не самых интенсивных контактов между Византией и обитателями южнорусских степей. Начиная с гуннского вторжения, а затем в ходе «великих переселений» авар, тюрко-болгарских орд, мадьяр, военной активности хазар, печенегов и половцев, т. е. практически на всем протяжении раннесредневековой эпохи, различные этнические группы населения Северного Кавказа были вовлечены в регулярные и энергичные перемещения по степному «мосту», связавшему Балканы и Каспийско-Черноморское междуречье³⁹. Этот тезис — в свете активных балкано-

³⁴ Любопытный пример тому дает А. И. Семенов; см.: *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону. — *Проблемы археологии.* Л., 1978, вып. 2, с. 180—183.

³⁵ См.: *Кузнецов В. А.* Алания. . . с. 78 сл.; *Воронов Ю. Н.* Тайна Цебельдинской долины. М., 1975.

³⁶ *Артамонов М. И.* История хазар. Л., 1962.

³⁷ *Даркевич В. П.* Указ. соч., с. 292.

³⁸ *История Византии.* М., 1967, т. I—II.

³⁹ См., например: *Артамонов М. И.* Указ. соч.; *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 259—301; *Виноградов В. Б.* Аланы в Европе. — *ВИ,* 1974, № 8, с. 111—121.

северокавказских связей в предшествующие эпохи ⁴⁰ и вновь осознаваемой сейчас плодотворности алано-венгерских взаимоотношений в раннем средневековье ⁴¹ — представляется актуальным и требующим специального внимания.

Есть и еще один (недостаточно учитываемый, на наш взгляд) аспект в толковании византийского импорта и подражаний ему на Северном Кавказе. Он подразумевает тех алан, чье пребывание собственно в Византии и ее столице фиксируется письменными источниками (в качестве военных наемников, придворных, в составе посольств и иных дипломатических и религиозных миссий) ⁴². И, вероятно, не случайно наиболее яркие археологически прослеживаемые следы контакта с Византией связаны с погребениями аланской дружинной знати (и в Терско-Сулакском междуречье, и в других областях Северного Кавказа) — активной и заметной силы в исторических событиях своей эпохи.

⁴⁰ Библиографию см. в статьях сборника: Фрако-скифские культурные связи. — *Studia Thracica*. София, 1975, I.

⁴¹ Барта А. Истоки венгерской культуры X века. — В кн.: Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972, с. 126; Халикова Е. А. *Magna Hungaria*. — ВИ, 1975, № 7, с. 39—42; Виноградов В. Б. Некрополь. . . , с. 47; Эрдели И. Поиски древних венгров на Кавказе. — В кн.: IX Крупновские чтения (Тез. докл.). Элиста, 1979, с. 36—37.

⁴² Библиография см.: Кузнецов В. А. Алания. . . , с. 31.